

Анна ЮРЬЕВА

РАССКАЗЫ из цикла «Городок»

«Лихие девяностые». Дальневосточный небольшой городок. У взрослых — сложные проблемы, которые мало касаются детей. Дети живут полной авантюризмом жизнью. Аня, девочка из бедной семьи железнодорожника и домохозяйки, растет в благополучном районе среди одних мальчишек. Ее детство полно как разочарований, так и радостей. Она знакомится с настоящим «мальчишечьим» миром: строительство штабиков, катание по тонкому льду, детские и азартные игры и многое другое. Детские шалости оборачиваются смертельными опасностями: доски могут завалить детей, лед провалиться. Но впереди и другие: наркотики, бандиты, а главное — взрослые проблемы и смерти. Как же пройдет детство Ани среди жестокого мира девяностых? Кем она станет?

ДЕТСТВО ЦВЕТА ЗЕЛЕНКИ

Детство проглядывает сквозь время, смотрит в глаза, напоминает о прошлом запахами, солнечными зайчиками, беззаботным смехом и дурачествами.

Садины на коленях и вечная несмываемая зеленка...

Прятки, велосипеды, «штабики», тайники и «войнушка». Вечера у костра. Все это как будто и не из моей жизни. Словно кто-то прожил ее... Не я. Воспоминания выплывают как-то не вовремя, невпопад и некстати, стирая всю значимость и ценность взрослой жизни и ее постоянных атрибутов: погони за всеми деньгами мира, престижем, достатком, семьей, такой, чтобы как положено: муж, жена, дети, кошка; все улыбаются, как в рекламе.

Если честно, как же хорошо было там — в детстве! Все было иным: бесконечным, ярким, синим и зеленым, светящимся, солнечным. Мир был удивительным и очень понятным.

— А-а-аня-а-а! — на весь двор кричала мама. — А-а-аня-а-а!

Но я, Аня, не шла и не отзывалась.

Анна Андреевна Юрьева родилась в 1990 году. Живет и работает в Благовещенске Амурской области. Окончила Амурский государственный университет по специализации «Филология». Работает в МБУК «Муниципальная информационная библиотечная система». В 2019–2023 годах — внештатный журналист «Амур.инфо». Автор краеведческого комикса «Антоша Чехонте», авторского сборника «Белое, черное и цветное: в стихах и прозе», сборника стихотворений «На пределе эмоций» и графического романа «Леонид Волков — поэт и защитник Отечества». Руководитель литературной школы #ЯПишу. Куратор всероссийских проектов РГБМ «Премия читателя» и «Литературная карта России в комиксах» в Амурской области. Преподаватель писательского и сценарного мастерства в проектах-победителях Фонда президентских грантов. Публиковалась в литературно-художественном альманахе «Амур» (2023), литературном журнале «Урал» (2023), «Литературная газета» (2023), коллективных сборниках и изданиях.

— Ну вот что ты с ней будешь делать? Опять ушла куда-то со двора! — жаловалась мама, стоя на крыльце, отцу, сидевшему на завалинке нашего двухэтажного грязно-зеленого барака.

— Ничего, ничего! Есть захочет, придет, — улыбаясь, говорил отец и стряхивал пепел с сигареты. — Сорванец, а не девчонка!

В это время я могла заниматься чем угодно! Лето, солнце, друзья и уйма увлекательных дел.

Мы жили в Шимановске. Дом стоял на улице имени Плеханова, она была одной из главных в нашем городке и связывала центр с микрорайоном. Мы, дети, не знали, кто такой Плеханов. Знали мы одно: вдоль дороги шла канава. Бетонная. В нее после дождей стекала вода вперемешку с грязью и мусором. На дне канавы образовывался слой ила. Зеленый, скользкий. В этом иле даже рыба водилась, правда, мелкая — ротанчики в основном. Но нас этот ил привлекал не из-за рыбы. А из-за того, что по этому илу можно было скользить.

Разгоняешься, хлюпая босыми ногами по воде, встаешь и скользишь, как по льду. Даже соревнования проводили — кто дальше докатится. Один пролет, два, три...

Соперниками моими были мальчишки, потому что закон демографии в нашем дворе работал странно — одна девчонка на пять мальчишек. Лишь один раз я проиграла. Дело было так.

— Костя, давай! Ты первый! — крикнул Леха.

Костя, худенький, но высокий, в рубашечке и шортиках, как-то неловко разбежался и проскользил совсем мало, меньше одного пролета.

Леха задиристо усмехнулся и сказал, что он сейчас, как чемпион, всем нам покажет, но в итоге проехал не так далеко — примерно как Костя.

— Нет, это нечестно. Здесь песок. Можно я еще раз попробую? — прогнусавил Костя, никак не признавая свой проигрыш, но понимая, что сейчас катиться буду я.

— Ой, да пробуй! Все равно только один пролет и проедешь, — задирился Леха.

Костя разозлился, сжал кулаки, но побежал. Вдруг он поскользнулся и во всей своей чистой одежде — в рубашечке и шортах — плюхнулся спиной в зеленый-зеленый ил. Мы с Лехой замерли — что теперь будет Костику, домашнему мальчику? И сам Костя оторопел. Встал, посмотрел на себя и растерянно заговорил:

— Ребят, а что теперь делать, а? Мама дома, увидит меня такого... Накажет и гулять больше не выпустит...

Мы с Лехой пожали плечами. А что тут сделаешь-то?

Леха посмотрел на Костю и сказал:

— Мы, конечно, сейчас что-нибудь придумаем, постираем, например. Но пока — вопрос о чемпионстве остается открытым. Анька, давай, твоя попытка!

Костя вылез из канавы, сел на траву и снял рубашку, грустно ее рассматривая. Ил быстро высыхал, едко впитываясь в рубашку. Леха сел рядом и толкнул товарища — гляди, мол, сейчас посмотрим мы на эту Аньку.

— Ань, ты хоть бегать умеешь? — дразнился Леха.

— Смотри не упади... А то все дома будем сидеть! — грустно добавил Костик.

— Сейчас посмотрим, кто из нас чемпион. Все же знают, что я! — крикнула я и начала разгоняться.

Вот я скольжу — один пролет, второй. Леха даже привстал, не веря своим глазам. Я смотрю вперед и вижу перед собой зеленое стекло разбитой бутылки. Видимо, кто-то, пока мы разбирались с бедой Костика, проехал и бросил эту бутылку. Притормозить я никак не могла: ил очень скользкий.

Порезалась сильно, но не плакала. Кровь капала на зеленый ил, зеленое стекло бутылки и потом на зеленую траву. Костик даже дал свою и так уже испачканную рубашку. Мы, грязный Костик, Леха и я с порезанной стеклом ногой, сидели и боялись — домой страшно идти.

Тишина.

Леха что-то говорил про подорожник для ноги, про колонку, где можно вещи постирать. Что скажешь — счастливчик! И целый, и чистый...

Вдруг я слышу, как мама меня зовет. Ничего не поделаешь — нужно идти. Мальчишки взяли меня под руки и повели.

Папа сидит на завалинке, курит, мама в халате и с полотенцем стоит на крыльце. Из-за дома появляемся мы, троица разбойников с большой дороги. Мама охает, всплескивает руками. Папа хитро улыбается.

— Ну что, оболтусы, где были, чего делали? — спрашивает папа.

— Да оставь ты детей... Аня, что с ногой? — беспокоится мама. — Костя, ты почему такой грязный и в крови? Ну-ка марш все в дом.

Дома мама обработала мне ногу, постирала Костины вещи и заварила чай. Мы наперебой рассказывали папе невероятную историю, как же с нами это все произошло.

Через полчаса нога моя была забинтована, вещи Костика сушились, а мы пили чай с вареньем, малиновым. Только папа посмеивался и наконец сказал:

— Конечно, про гигантского ротана — это было почти правдоподобно. В следующий раз что-то поинтереснее придумайте!

Сейчас я с теплом вспоминаю детские дни. Только мама и папа уже не ждут меня на крыльце. Теперь я посмеиваюсь, слушая детские враки о приключениях во дворе, помогаю строить корабль из простыней, чиню велосипеды и рассказываю страшилки дочери, почти не страдающей от зеленки.

ПИКИ

В районе, который в Шимановске называется Шанхай, зима — особенное время. На стадионе, рядом с нашими домами заливали каток, а через дорогу, за площадью Победы, разливалось целое море, которое замерзло и становилось катком, но не для фигуристов и хоккеистов. Это лед для самокатчиков.

Пятиэтажка, стоящая на болотах, стала постоянной причиной разлива воды зимой. В болоте и так били небольшие ключи, дававшие влагу, комаров, камыш и пение лягушек. До того, как появилась пятиэтажка, за площадью Победы были маленькие озера. Иногда зимой начинал бить ключ и замерзал, как гигантский столб. Но потом появилась пятиэтажка, и все изменилось. Вода разливалась на всю площадь болота и замерзала. Природный каток. Самокатчиков стало в разы больше.

Знаете, что такое самокат? Даже если вы уверены, что знаете, все равно послушайте. К деревянному основанию, похожему на каталку для безногих инвалидов, прибывалась пара стальных коньков. Без ботинок. Комплект составляли пики — два толстых прута в полметра, заточенные снизу, а сверху украшенные ручками, как у металлической кочерги. Принцип был прост: встаешь коленями на самокат, в руки берешь пики и, толкаясь, как лыжными палками, мчишься по льду.

Раньше самокатчики ходили на озеро, а теперь это стало ненужным. Ведь под боком огромный ледяной стадион. Можно проводить соревнования на скорость и на красивые повороты, можно подъехать к зарождающемуся ледяному вулкану и раздол-

бить его пикой. Вулканчики были двух видов — интересные и не очень. Из интересного начинала бить вода, как гейзер. В общем, есть чем заняться, несмотря на зиму и холод.

Нас, тех, кто помладше, на озеро не пускали. Да и самокатов у нас не было. Но теперь лед был рядом, и все дети, как один, начали выпрашивать у родителей самокаты. Мол, близко и не опасно.

В один из дней Костя вытащил во двор самокат. Все во дворе, конечно, от зависти кусали локти. Как так, у Кости, правильного мальчика, малявки восьмилетней, настоящий самодельный самокат?

В тот день я пришла домой и начала канючить:

— Пап, па-а-а-ап, а у Кости самокат есть...

— Ну и что? — сказал мне папа.

— Папа, я тоже хочу. Сделай мне, пожалуйста, самокат. Я буду себя хорошо-хорошо вести, честно-честно, — говорила я, складывая руки на груди и делая жалостливые глаза.

— Аня, ты же девочка! Какой может быть самокат? — удивлялся папа.

— Да-да-да, — вторила мама. — Еще покалечится. Упадет с него или пикой что-нибудь проткнет. Себе. Или кому-то.

— Пожалуйста, я никому ничего не проткну. И не упаду. Я тихонечко, — пыталась уговорить родителей я.

— Разговор окончен, — отрубил папа.

Весь ноябрь Костик рассекал на самокате. Иногда давал покататься пацанам. Мне же на лед дорога была закрыта. Я сидела во дворе, строила замок из снега и грустила.

Однажды утром я проснулась с каким-то радостным предчувствием. Вижу, в прихожей возле печки стоит он — самокат, с пиками. Красивый!

Папа улыбается, мама вздыхает и говорит:

— Анечка, я тебя очень прошу, аккуратно!

Поблагодарив папу, я наспех надела на себя кофту, теплые штаны, валенки, варежки, шапку и шубу, схватила довольно-таки увесистый самокат и побежала во двор — хвастаться!

Пацаны обступили меня, одобрительно пощупали самокат и сказали:

— Вещь! У тебя самый крутой самокат во дворе!

— Нет, — сказала я. — У меня самый крутой папа!

Мы с Костиком потащили наши самокаты на лед. Он меня учил и подбадривал, показывал, как делать повороты. Я быстро освоилась, и вот мы уже мчим наперегонки.

Несколько дней продолжалось это обучение. И в один из дней Костя предложил:

— А поехали к пятиэтажке.

Я спросила:

— А что там?

— Ты что, не знаешь?

— Нет, расскажи.

Костя тыкнул пальцем в пятиэтажку:

— Вот... Видишь?

— Что?

— Пар идет.

Я посмотрела, куда показывал Костя, и увидела, что сбоку от дома, там, где торчат трубы, идет пар. Видимо, оттуда сливалась использованная горячая вода из пятиэтажки.

Костя интригуяще сказал:

— Поехали! Там интересно...

Мы помчались к краю льда, который нависал над горячей водой. От воды шел пар и пахло канализацией.

— И что вы тут делаете? — спросила я.

— Как что? Смотри!

Костя подъехал к самому краю и стал пикой откалывать лед. Лед падал в кипяток и таял.

— Здорово же!

— Здо-о-орово... — потянула я.

— А спорим, я больше тебя кусок отколю!

— Спорим, — азартно ответила я.

Споры не мой конек. Я знаю это с детства, а точнее — с этого дня.

Мы стали откалывать лед. Раз, и у Кости приличный кусок упал в воду, он попятился на самокате назад, приглашая к краю меня. Я размахнулась и ка-а-ак ударила пикой по льду. Удар был сильный, большой кусок отвалился и упал, а я радостно, с победным видом повернулась к Косте:

— Ну что, видел?

Но вместо одобрения или досады я увидела в Костиных глазах страх.

— Аня, осторожно!

Но было поздно. Кусок льда дал трещину, откололся... И я вместе с самокатом упала в горячую воду.

Я не умею плавать. Панически боюсь воды. Потому что однажды в лютый мороз в теплой одежде упала в горячую грязную канализационную воду. Я держалась за край льдины и чувствовала, как меня под нее затягивает. Мне было страшно. С рук упали варежки и вместе с пиками ушли на дно. Я хваталась за лед пальцами, которые от мороза прилипали к нему. Тяжелая, напитавшаяся влагой одежда тянула меня на дно. Рукам было адски холодно, а телу горячо. Я истошно кричала. Мне казалось, что это длилось не несколько секунд, а целую вечность.

Папа на днях, видимо в профилактических целях, рассказывал маме, как в прошлом году на озере весной утонул мальчик, который катался на самокате. Подъехал к краю полыньи, откалывал лед, упал в ледяную воду и утонул.

И тут у меня эта история в голове всплыла. Я не хотела утонуть.

Я почувствовала, как кто-то тычет мне в руку холодным железным прутом, и сквозь свой крик услышала:

— Аня, хватайся за пику! Я ближе не подойду, лед трещит!

Костя пытался меня вытащить. Я боялась отпустить руку, чтобы схватить пику, а потом поняла, что не могу этого сделать: она примерзла. И сил оторвать ее ото льда у меня нет. Я заплакала и поняла, что утону. Потом подумала, как это так, я утону? А мама, а папа?

Я разозлилась и стала отрывать руку от льда. Было очень больно, мороз крепко схватил и приморозил кожу. Но я сжала металлическую пику и приморозилась уже к ней. Облизывали ли вы когда-нибудь железку на морозе? Если нет, то не пробуйте.

Костя вытащил меня и мой самокат.

Я шла по льду, мокрая и рыдающая. На морозе вся одежда покрылась коркой льда, идти было трудно. До дома были какие-то пятьсот метров, начиналась пурга. Дома было не видно. Мне казалось, что я не дойду.

Но я дошла.

Мама ахнула, увидев меня. Папа замер, а потом кинулся снимать с меня одежду. Опустив в воду мою руку, он вытащил из сжатого кулака пику, скинул ставшую хрустальным панцирем шубу, щерящуюся ледяными иглами шапку и валенки.

Я плакала и говорила:

— Папа, у меня там пики утонули... Сделай мне новые.

ФИШКИ

Знаете, в детстве меня так учили: будь для всех людей. А дальше добавочные: добрым, вежливым, заботливым. Меня учили относиться к людям с уважением, доверием и любовью.

Справедливость была главным ориентиром в моей детской жизни. Не правильно или неправильно, хорошо или плохо, а справедливо или нет. Наверное, это советское наследие, которое в девяностые только кристаллизовалось. Справедливость была важнее всего. Честно или нет? Причем не для меня, а вообще — честно так поступать или нет, справедливо ли?

В детстве, если помните, была игра — фишки. Круглые картонки разных мастей — с персонажами из мультфильмов, фильмов и покемонами. Особое место занимали бойцы из «Смертельной битвы». Все их коллекционировали. Сражения были серьезными, не на шутку.

Я была маленькая, азартная и совсем не умела проигрывать.

Где-то нашла одну. Играла. Стало у меня штук шесть-семь. И в один из дней я их все проиграла Костику во дворе. Обидно, плачу, как водится. Но честно. Просто ему повезло, а мне нет.

Прихожу, расстроенная, домой. Мама спрашивает:

— Что случилось?

Рассказываю — говорю, не повезло.

Вечером пошли в гости к Костику, наверх, на второй этаж. Он, как и положено, хвастает. Да и я бы хвастала. От этого обиднее.

Я открыла дверь его квартиры и сбежала вниз.

Сижу на первом этаже нашего деревянного барака, на окне. Обнимаю коленки. Думаю, а слезы на глазах накипают.

Знаю, что мама не купит мне фишки. Денег особо нет, не до шалостей. В голове раз за разом последняя игра — сразу по пять фишек. И я первая бить должна. А они не перевернулись. Надо было руку по-другому повернуть. Ну да ладно. Не буду в следующий раз на много играть.

Опять плачу. Потому что не будет следующего раза.

Вижу, спускается мама. Сует мне в руку фишку.

Я смотрю на нее и не понимаю:

— Мам, а ты где взяла?

— Какая разница... Держи и давай не реви.

Мы пошли домой. Я сжимаю в руке эту фишку, на душе и радостно, и тревожно. Все думаю, где же мама ее взяла.

Утром ни свет ни заря бегу во двор — отыгрываться.

— Костя! — кричу. — Иди сюда, у меня фишка есть.

Костя молчит. Я подбегаю, тяну к нему руку с зажатой фишкой, разжимаю и говорю:

— Вот! Гляди!

Костя скривил лицо, выхватил у меня из рук фишку и говорит так неприятно:

— А я знаю, откуда у тебя эта фишка!

— Откуда? — спрашиваю я, а у самой ком в горле и ужасная догадка в голове.

— Это твоя мама у меня украла.

Я застыла. Стою, смотрю на него и на эту круглую картонку у него в руках. «Моя мама украла!» — кровь гулом шумит в голове.

Я толкаю Костю в грудь и кричу:

— Забери свою бумажку, а маму мою не трогай!

Я убежала и спряталась. И никак не могла понять: ну неужели он не понимает, что это значит? Что мама это сделала для меня, чтобы я просто не плакала?

Фишки перестали что-то значить в этот день. Как и многие другие пустяковые вещи.

Я пришла домой, обняла маму и сказала:

— Спасибо, мама, за фишку. Но я ее опять проиграла. А ты больше не бери у Кости этих фишек. Не нужны они мне. Я больше не буду плакать.

СНЕЖНОЕ ЧУДОВИЩЕ

Дело было весной, а точнее — шестого мая. Уже пытались зацвести первые робкие растения, набухшие почки выпускали молодые зеленые листочки. В воздухе так и витал аромат весны: запах костров, просыпающейся земли, вспаханных огородов и много чего еще.

Городок готовился к одному из главных праздников — Дню Победы. Ранним утром солдаты в парадной одежде шли по главной улице — улице Орджоникидзе. Оркестр играл марш. Детвора из наших домов, по улице Плеханова, висела на заборах и смотрела на военных. Это было радостно и жуть как интересно.

Вечером, после школы, как водится, собирались на бревнах возле гаража и обсуждали — что за техника будет, кто бежит в эстафете из старшеклассников, какая школа победит. Если повезет, то будет тепло и уже можно выкатывать велики и снимать ненавистные куртки и шапки. Да-а-а...

Разговоры велись яростно, с размахиванием рук и такими громкими криками, что встревоженные мамы периодически появлялись на крыльце нашего барака и смотрели — не дошло ли дело до драки. Криками интересовались не только мамы, но и Лешкина собака, заходившаяся лаем от наших криков на другом конце двора. Красивая колли каким-то образом попала в очерченную сеткой рабицей тюрьму и была вынуждена охранять сарай дяди Коли, Лешкиного папы. Она была такая злющая, что все время ходила в строгом ошейнике и сидела на цепи. Мимо проходить — страшно и неудобно. Особенно во время прятков — выдаст своим рыком и лаем. Поэтому Лесси мы и недолюбливали. Боялись и трусливо ругали.

Но сколько бы ни длился теплый майский день, наступал вечер. По небу радостно высыпали звезды, которые перекрывал дым, все еще шедший из труб над бараком. Старики, курившие на улице, глубокомысленно смотрели на него и говорили что-то про похолодание, ветер и давление. Мы смеялись и не верили — май же! Везде зеленые листочки и трава, какое похолодание? Без куртки скоро можно! И велик!

Но утром случилось чудо. Весь наш маленький городок седьмого мая завалил пушистый новогодний снег. Он начал идти еще ночью, а днем даже и не подумал прекратиться, продолжив строить невероятно красивые сугробы. На расстоянии вытянутой руки сквозь хлопьями идущий снег ничего нельзя было разглядеть.

Мальчишки вытащили вместо долгожданных великов санки, надели зимние куртки и варежки. Конечно, и я с ними. Стали строить крепость, выставляя по бокам невероятно красивых и чистых снеговиков. Кидались снежками, носились, краснощекие и счастливые. Через месяц лето — а мы в снежки играем!

И тут Леха остановился:

— Ребят, а как же парад? Если снег не растает...

— Как это не растает? Куда он денется! — авторитетно заявил Костик. — Смотри, снег идет, а на улице всего минус один. Уже завтра снега не будет.

— А если не растает? — упорствовал Леха.

— Пацаны, а представьте, что что-то случилось, и не будет больше лета... Все, кончилось! — со страхом сказала я.

Мы начали строить ужасные перспективы белого плена в снегу. Леха сказал, что, если снег не растает и лето не наступит, нас всех заставят ходить в школу и дальше. Страшнее и не придумаешь. Костя уныло напомнил про велики, а я предложила делать иглу для тепла и снегоступы, как у эскимосов. На перспективу. Мы уже и не верили, что наш любимый парад состоится. И никакого мороженого.

— Ну давайте тогда учиться играть в прятки по-новому, — сказал Леха.

Мы переглянулись.

— В снегу прятаться? Интере-е-есно. А давай! — сказала я.

Костя добавил, что если игрока долго не найдут, то у нас появится ледяная скульптура. За занудство мы его и назначили ведущим. Леха и я побежали прятаться. Скрипел снег под ногами, а за каждым из нас шла вереница следов. Тут и сыщиком не надо быть, чтобы найти. Я стала хитрить и идти спиной вперед, чтобы Костя точно не нашел меня.

И тут... Я почувствовала, что позади кто-то бежит ко мне. Страшно было оборачиваться. Но я обернулась. И увидела, как из снежной пелены на меня выпрыгивает Лесси.

Оказывается, Леха решил спрятаться в сарае. Он и не знал, что отец накануне спустил Лесси с цепи. И в открытую Лехой дверь злющая собака рванула на свободу.

Сначала я застыла и, как в медленном кино, видела бегущую на меня собаку. Та рычала и морщила длинный нос. Я испугалась и сделала то, что ни в коем случае нельзя было делать: я побежала по глубокому-глубокому снегу. Сапоги-аляски были полны снега, под пихору тоже набилось прилично. Я не кричала, просто бежала, вдыхая снежинки и холодный воздух. Глупая. Как я могла убежать от собаки?

Я и не убежала. Лесси опрокинула меня лицом в снег. В голове не было ни одной мысли. Дикий животный страх. Лицо обжег холодный снег. Я рывком перевернулась и подумала, что сейчас меня загрызет собака и я умру.

Я зажмурилась и закричала.

В ту же секунду я почувствовала что-то влажное на своем лице.

Кровь!

Наверное, вот так и умирают... Раз, и все.

Надо глаза открыть. Мама говорила что-то про рай и ад. Раз мокро, наверное, тепло. Раз тепло — наверное, ад.

Я подумала, что я что-то долго умираю. А потом почувствовала на своем лице шершавый язык.

Лесси и не собиралась меня грызть. Она облизывала мое красное замерзшее лицо. Видимо, собака решила, что я с ней играю в догонялки.

Как понимаете, ничего ужасного не случилось. Но день этот впечатался в мою память навсегда.

Лесси после этого события продолжала оставаться злой собакой, на цепи. По-прежнему было очень страшно ходить мимо нее. Но в глубине души я знала, что она добрая, а лает лишь потому, что на цепи и честно выполняет свою работу, охраняя имущество своего хозяина.

Был ли парад?

Конечно, был. Снег растаял на следующий день.